

Чунь Сяосюэ

***

«Теперь мне тебя даже немного жаль»

— Твою ж!..

Чэн Ушэн только успел распахнуть дверцу машины, как до его слуха долетело это сочное ругательство, а в следующее мгновение он увидел Чэнь Сы, которого Чжэжэнь буквально вышвырнул из гущи боя.

Ушэн попытался перехватить его на лету, но не рассчитал чудовищной инерции удара. В итоге оба, точно детали в «дженге», свалились в кучу, проломив дверцу и рухнув на заднее сиденье. Несчастливая дверь, из последних сил державшаяся на одном честном слове и заклинившем шарнире, получила от Чэнь Сы прощальный пинок и с грохотом отвалилась окончательно.

Отгалкиваясь от лица президента Чэн, юноша с трудом выбрался из салона. Он встал, отряхнул с себя осколки стекла и ядовито поинтересовался:

— Ты бы еще дождался, пока «Конан» закончится, а потом заявлялся.

Чэн Ушэн вылез следом и тоскливо оглянулся на свой автомобиль, который забрал из салона всего пару дней назад. Теперь машина выглядела на «девять из десяти»... по шкале тотального уничтожения.

Опоздание не было его виной. Бедолага-кузен, невесть как втянутый Лю Шэном в этот хаос, сначала вынужден был угощать «Сань Юэ» ужином, слушая, как его беспутный братец и этот проходимец обсуждают тактику боя. Теоретически он тоже был в деле. Проблема заключалась в том, что, когда они обсуждали план, его никто не выгонял, но когда дело дошло до драки, никто не удосужился его позвать. В итоге он даже успел заглянуть в офис «Сань Юэ», прежде чем понял, что происходит.

Если бы не всплеск духовной силы того златовласого призрака, пронзивший небо над складами, Ушэн так бы и не узнал, куда ехать. В итоге он прибыл аккуратно к середине второго раунда.

— И кто же, по-твоему, не получил приглашения? — Чэн Ушэн невозмутимо стряхнул пыль с дорожного пиджака.

В паре десятков шагов от них кипела битва: «Сань Юэ», практики дома Чэнь и Гу Цянь сцепились в яростной схватке с несколькими Чжэжэнями. Вспышки духовного света расцветали в небе призрачными фейерверками, а на фоне этого безумия доживал свои последние секунды полуразрушенный склад.

— Откуда здесь взялись Чжэжэни? — нахмурившись, спросил Ушэн.

Чэнь Сы стер кровь со лба, обернулся и, увидев, как президент Чэн картинно строит из себя важную персону, вытер окровавленную ладонь о его безупречный пиджак. Оставив на дорогой ткани алый след, он прищурился и вызывающе улыбнулся:

— Господин Чэн, а на ощупь — ничего так.

Сказав это, он, не дожидаясь вспышки праведного гнева, оттолкнулся от земли и метнулся обратно в бой. Чэн Ушэн замер, с каменным лицом глядя на кровавый отпечаток ладони у себя на груди.

«Мелкий паршивец»

***

Двадцать минут назад

Двадцать минут назад дело уже шло к финалу. Казалось, над Лю Шэном вот-вот свершится суд, но тот, увидев, как Чжао Мин что-то сквозь слезы пытается сказать Лю Цяю, совсем потерял голову и бросился к призраку. Он выкрикивал какие-то бессвязные угрозы, пока Гу Цянь легким щелчком духовной силы не отшвырнул его в сторону.

Удар был несильным, но этого хватило, чтобы Чжэжэни сочли это нападением на человека. Для этих существ не имело значения, что Лю Шэн сам во всем виноват или что он лишился руки по их же милости. В их искаженной логике существовало лишь одно: правила нарушены, а значит, виновный должен быть покаран.

Это стало последней каплей для всех.

Уже зная, с чем имеют дело, бойцы дома Чэнь воспользовались моментом, когда Гу Цянь своей аурой на миг рассеял искажение пространства, и скрутили Лю Шэна. Цю Юэбай тоже не медлил: его духовная нить кольцо за кольцом обвила Чунь Сяосюэ. Глядя в лицо предательнице, он едва сдерживался, чтобы не затянуть путы потуже.

Ань Цзянь отвел Чжао Мина и Лю Цая в безопасное место и обернулся к старшему брату.

«Раз брат так спокоен, значит, у него есть план» — решил Ань Цзянь.

Он и не подозревал, что Цзи Лююнь в этот момент изо всех сил пытался выдавить из себя хоть каплю духовной силы...

Гу Цянь, только что увидевший обрывки жизни Чжао Мина, был переполнен яростью, требовавшей выхода. Юноша сражался особенно неистово: девять лисьих хвостов мелькали в воздухе, пронзая противников насквозь.

Чэн Ушэн вскинул руки, высвобождая силу Тиншуан. Ледяной барьер мгновенно отсек зону боя в радиусе трехсот метров, защищая случайных прохожих. Черная цивета Хэй Лину, повинувшись зову хозяина, взметнулась ввысь, её тело раздулось до размеров трехэтажного дома, превращаясь в призрачного волка. Сверкнув ледяными клыками, зверь бросился вперед, разрывая ближайшего Чжэжэня в клочья.

В то же мгновение девять хвостов Гу Цяня раскрылись внутри другого противника, раздирая его изнутри.

— Что ж ты раньше-то не пришел?! — крикнул Чэнь Сы кузену.

Тот предпочел промолчать.

Не прошло и секунды, как разорванные в клочья фигуры белых одежд начали срастаться прямо в воздухе. Два Чжэжэня восстановились мгновенно, и на их застывших лицах снова проступила эта вечная, мертвая улыбка.

— Что-то не так, — прищурился Гу Цянь. — Чжэжэни всегда ходят тройками. Чтобы упокоить их, нужно уничтожить всех троих одновременно.

— Маски! — Чэнь Сы приземлился рядом с Гу Цянем, не сводя глаз с бездушных лиц. — Их маски сотканы из душ, которыми они были при жизни. Нужно разбить их разом.

— И сделать это смесью демонической ауры и духовной силы, — добавил Чэн Ушэн, ледяными кристаллами отбивая атаку.

— Так и сделаем! — Гу Цянь взмахнул хвостами. Демоническая сила плотным ковром разошлась по пространству, а в воздухе закружились алые лепестки фосана, наполняя всё вокруг густым багровым светом.

Бойцы дома Чэнь мгновенно поняли задачу. Сложив пальцы в печатях, они начали синхронную рекуперацию энергии, выстраивая общую формацию. Цю Юэбай и люди из «Сань Юэ» поддержали их: вскинув руки, они раскинули сеть, но на этот раз это была не ловушка. Духовная сила, превратившись в тончайшие серебряные нити, начала переплетаться с

лепестками фосана, сплетая вокруг врагов непроницаемый светящийся кокон.

В самом центре этого кокона Чэнь Сы подбросил два кинжала в воздух и сложил ладони у лица. Резко прикусив большие пальцы, он высвободил кровь, смешанную с духовной силой.

— Открывайся!

Повинуясь его крику, снежная кошка Сюэ Го лениво потянулась и в прыжке обратилась в белого тигра. Под его громовой рык с небес обрушился ливень из тысяч призрачных клинков. Лепестки фосана вместе с кинжалами кромсали белые робы, пока волк и тигр не давали существам возможности перегруппироваться.

Тем не менее, Чжэжэни нашли брешь в этом вихре. Лепестки, стертые в пыль, разлетались искрами, но Гу Цянь не давал им исчезнуть.

— Почти готово! — крикнул он, прижимая хвосты к спине. — Глупый пес, кончай тужиться! Иди сюда, давай свою призрачную энергию!

Лююнь тут же радостно подскочил к нему и, воспользовавшись моментом, по-хозяйски приобнял юношу. У Чэн Ушэна от этой картины задержался глаз.

— Прижми ладони к моим, — скомандовал Гу Цянь. Лююнь послушно исполнил приказ. Тяжелая, иссиня-черная призрачная энергия потекла по его пальцам, обвивая серебристые лисьи хвосты и смешиваясь с их силой.

— Начали! — Чэнь Сы слизнул кровь с губы.

Белый тигр снова взревел. Клинки плотным кольцом сомкнулись вокруг врагов, а призрачный волк, неся в себе силу Тиншуан, раз за разом сковывал их движения холодом. Лепестки фосана над ними закрутились в яростном танце, призрачная энергия свилась в воронку, обрушиваясь вниз.

Три силы начали сливаться: яростная демоническая мощь, ледяная призрачная тьма и негибемый духовный свет.

— Цельтесь в маски! — крикнул Гу Цянь.

Тройной удар обрушился на врагов. Первая маска треснула, и Правила, поддерживавшие существование Чжэжэня, дрогнули. Но этого было мало.

Противники начали контратаку. Все присутствующие выкладывались на полную, отдавая последние капли сил духовным печатям и забыв о защите собственных тел. Воздух стал

вязким, дышать стало трудно. Под давлением Правил лепестки фосана начали рассыпаться в прах, а барьер — трещать по швам.

— Сейчас! — выкрикнул Гу Цянь. Его хвосты взметнулись к небу, выбрасывая еще более плотный поток лепестков. Лююнь мертвой хваткой вцепился в его руку, вливая бесконечный поток энергии.

Цю Юэбай мгновенно стянул кокон, а Чэнь Сы направил силу своих братьев в единый поток, ударивший в центр формации.

Три Чжэжэня ударили в ответ. Воздух в замкнутом пространстве взорвался тысячами ветряных лезвий. Гу Цянь и Чэнь Сы, оказавшиеся ближе всех, первыми приняли удар.

Юноша бросил все силы на поддержание демонической сети — малейшее колебание, и враги вырвутся. Он был беззащитен перед летящими в него клинками, но Лююнь, повинаясь инстинкту, обхватил его и прикрыл собой. Острое лезвие ветра полоснуло призрака по плечу, глубоко рассекая плоть до самой кости.

Чэнь Сы успел выставить щит, но от мощного резонанса его отбросило назад, и он закашлялся кровью. Чэн Ушэн среагировал мгновенно: всплеск силы Тиншуан превратил встречные потоки воздуха в мириады ледяных игл. Перехватив напарника за пояс, он оттащил его назад и резким жестом придавил ладонь к земле, замораживая оставшиеся ветряные лезвия.

— Еще раз! — Гу Цянь снова рванулся вперед. На грани жизни и смерти три силы вспыхнули с небывалой мощью. Общая воля к победе обрушилась на врагов.

Есть!

На масках существ сначала появились крошечные сколы, а затем трещины, точно паутина, расползлись по их лицам. Куски керамики посыпались вниз. Белые роботы забились в безумной агонии, а воздух наполнил пронзительный скрежет.

Маски опали, открывая взгляду лишь леденящую пустоту. С падением Правил само пространство вокруг содрогнулось.

— Ну и живучие же гады, — Чэнь Сы раздраженно сбросил руку Ушэна со своей талии.

Гу Цянь тут же бросился к Лююню. Рана на плече призрака выглядела жутко: лоскуты плоти свисали, обнажая глубокий порез. Он уже собирался использовать духовную силу, чтобы исцелить марионетку, но заметил, что Лююнь ведет себя странно. Его взгляд был расфокусирован, губы приоткрыты, а на лице застыло выражение глубокого потрясения.

Перед глазами Лююня плыл густой туман. Вспышка разрушенных Правил вырвала из его

памяти крошечный осколок: мелькание белых одежд, руины и чудовищный взрыв, стирающий всё на своем пути...

Пока «глупый пес» пребывал в прострации, останки трех Чжэжэней начали вибрировать. Эхо разрушенных Правил готовилось к финальному выбросу энергии, способному стереть в порошок всё живое в радиусе поражения. Убежать не успел бы никто.

Зрачки Лююня сузились. Сила, скрытая в самых глубинах его существа, вырвалась наружу. Золотое сияние, ослепительно яркое, накрыло всех присутствующих куполом. В тот же миг громыгнуло так, что содрогнулась земля.

Взрыв был колоссальным. Воздушная волна смяла стальные балки и бетон, превращая обломки в смертоносный град. Но под защитой золотого света все остались невредимы. Когда спустя минуту пыль осела, от склада почти ничего не осталось. Лишь пара уцелевших стен сиротливо торчала среди руин. На месте ангара зияла огромная воронка, словно какой-то великан в ярости ударил кулаком по земле.

***

Теперь уже не нужно было звать никого из мира Инь. Представители Комитета по надзору за духовной силой и Гуйань прибыли на место почти мгновенно. Среди знакомых лиц Гу Цянь заметил дядю Бина и Сяо Гу.

Гу Цянь уже успел восстановить плечо Лююня, но тот продолжал канючить, жалуясь на головную боль и требуя, чтобы его пожалели. В итоге, когда дядя Бин подошел поздороваться, юноше пришлось отвечать, буквально подпирая собой «раненого» призрака.

— Дядя Бин.

— Эх, маленький Гу Цянь, с каждым разом твои забавы всё шумнее и шумнее, — в мягком голосе дяди Бина не было и тени упрека. Он с интересом оглядел разрушения, поправляя свои круглые темные очки, в которых отражался хаос и повисший на напарнике златовласый дух.

— Это вы что же тут... — вежливо осведомился он.

Гу Цянь невольно вспомнил их первую встречу, когда он только закончил дело в старом доме переулка Уван. Тогда он был знаком с этим наглецом меньше суток и хотел лишь проверить его уровень силы. Прошло всего несколько месяцев, а теперь они...

— Мы вместе, дядя Бин, — честно признался Гу Цянь. Уши его слегка порозовели, но он всегда уважал этого человека, поэтому сообщил об этом официально, как старшему.

Лююнь, услышав это, мгновенно «воскрес». Весь сияя от счастья, он энергично закивал:

— Мы вместе, дядя Бин!

От избытка чувств он даже выпустил в воздух облако золотистых пузырьков, а его призрачный хвост, казалось, готов был пробить стратосферу.

— Привет, — подошел Сяо Гу. — Ну и устроили вы тут побоище. Масштабно.

Сцены и впрямь были впечатляющими. Гу Цянь не стал вдаваться в подробности, лишь кивнул в сторону остальных. Сотрудники Комитета уже начали зачистку территории, стремясь вернуть месту первоначальный вид. О Чжэжэнях никто не беспокоился: эти существа не принадлежали ни к одному ведомству. Убить их — подвиг, пасть от их рук — досадная неудача.

Тем не менее, массовое использование духовной силы требовало протокола. Дядя Бин занялся формальностями, а Сяо Гу направился к Лю Шэну. Тот всё еще сидел связанный, глядя в пустоту. Душа Чжао Мина неприкаянно висела рядом; Лю Цай пытался заговорить с ним, но призрак оставался безучастным.

— В загробном мире свои законы, — произнес сотрудник Гуйань. — Смертный использовал заклятие запрета души против призрака, нанеся вред самой его сути. — Он покосился на Чунь Сяосюэ и добавил: — Исполнителя вы уже проучили, но для Лю Шэна этого мало. На нем еще грех осквернения тела.

Сяо Гу ухмыльнулся, явно довольный собой.

— Вообще-то я пришел просто поглазеть, но раз уж я здесь — оформлю его по полной программе.

Это было похоже на запоздалое правосудие, но из уст проводника звучало так, будто он просто решил прихватить мусор по дороге. Слушать это было неприятно.

«Мир Инь работает именно так» — Гу Цянь опустил взгляд.

Прямолинейный Цю Юэбай, впервые встретивший сотрудника Гуйань, не выдержал такого легкомыслия. На фоне трагедии Чжао Мина этот тон казался кошунственным.

— Неужели в вашем мире всё — шутка? — вскипел он. — Чжао Мин столько перенес!

Проводник не обиделся. Юноша продолжал улыбаться своим обычным беззаботным видом:

— Во-первых, если память мне не изменяет, к уничтожению его души вы тоже руку приложили.

Юэбай возразил, что это Чунь Сяосюэ всех обманул, убедив в безопасности ритуала.

— Причины не имеют значения, — Сяо Гу пожал плечами. В его глазах светилась мудрость, не соответствующая юному облику — опыт веков, проведенных среди теней. Он обвел взглядом присутствующих: — Факт в том, что все вы — соучастники.

Он видел самую суть вещей, отсекая лишнее и выстраивая иерархию боли и радости без капли жалости. Только чистое знание. Именно так смотрел бы на мир сам Царь загробного мира.

— Просто вы увидели, как жалко он жил, и решили, что он этого не заслужил. И теперь подсознательно пытаетесь замаскировать свою вину, выставляя себя защитниками справедливости.

Цю Юэбай замолчал.

— К тому же, я — из мира Инь, — юноша ткнул в себя пальцем. — С чего вы взяли, что я должен быть человечным? Если спросите меня, то скажу: Чжао Мин прожил горькую жизнь, и в этом есть и его вина.

Ань Цзянь не понял:

— В чем же он виноват?

— Сейчас весь мир болен. А он упрямо пытался оставаться правильным в неправильном мире. В этом и его ошибка, — отрезал Сяо Гу. — Слышали? Мир Инь смотрит на вещи иначе. У всех вас — своя судьба. Каждый, кто проходит мимо — благородный господин или жалкий бродяга, — проживает свою личную драму. Но большинство людей видят лишь события, а не боль.

Эти слова заставили всех замолчать. Сяо Гу же оставался невозмутим.

— В мире Инь нет человечности, но разве люди лучше? Для большинства собственная зубная боль важнее, чем цунами, унесшее тысячи жизней на другом конце света. В нашем мире калькуляторы работают со сбоями, но у нас есть принципы. Будь мы все милосердны — этот мир давно бы рухнул.

С этим было трудно спорить, и споры прекратились. Проводник, удовлетворенный тишиной, продолжил:

— Что до наказания Лю Шэна... Долг Инь платится Инь. Душа мужчины изувечена, и пока Лю Шэн не испытает соразмерную боль, призрак не придет в себя.

Гу Цянь знал этого сотрудника недолго, но понимал: этот любитель пошутить знает правила

назубок.

— Ты можешь найти его жену и дочь? — спросил он.

— Могу, — Сяо Гу, несмотря на наличие смартфона, предпочитал по старинке просматривать духовные листы. — Они ждут его там, внизу.

— Можно им подняться за ним?

— Можно, это несложно, — тот махнул рукой, давая понять, что пошлет весточку коллегам. — Они в последнее время все пороги обили с жалобами. Очень сильная привязанность.

«Сильная привязанность»

Гу Цянь взглянул на Чжао Мина. Этот человек познал великую любовь и глубокую ненависть. Он не умел говорить о чувствах, но они вели его сквозь смерть. Привязанность была безмолвной, но вечной.

Узнав, что его семья всё еще борется за него, Гу Цянь почувствовал робкую радость. Возможно, под влиянием памяти призрака он ощущал это счастье как своё собственное. Неужели он становится чуточку добрее?

— Тогда прошу тебя, помоги, — сказал он.

— Без проблем, — Сяо Гу потер руки, глаза его азартно блеснули. — Тогда я начинаю. Давно я никого не «разделявал»!

— Угу, — отозвался Гу Цянь, увлекая Лююня в сторону.

Лю Цай, чье зрение после всплесков энергии прорезалось окончательно, слышал каждое слово.

— «Разделявать»? О чем вы?

— Твой отец расчленил тело Чжао Мина и бросил в озеро, — пояснил проводник. — Да еще и в месте, полном темной энергии. А потом заказал запрет души. Теперь твоему отцу придется на себе почувствовать, каково это — когда твою душу рвут на куски. Только через эту боль Чжао Мин сможет вернуть себе разум.

Юноша всё понял. Он вдруг упал на колени.

— Можно... можно я приму это за отца? — голос подростка дрожал. Он боялся родителя, ужасался тому, что тот сделал с дядей Чжао, и сгорал от стыда за то, что не вызвал полицию раньше. Он верил: если бы он был внимательнее, дядя Чжао не закончил бы так.

Лю Шэн был преступником, но он был отцом.

— Прошу вас... — прошептал юноша. — Пусть это буду я.

— Нет! — Лю Шэн рванулся к сыну. — Встань! Это мой грех, мне и отвечать!

Отец и сын вцепились друг в друга, рыдая.

— Не выйдет, — Сяо Гу остался холоден к этой сцене. — Долг должен отдать виновный. И это лишь наказание мира Инь. На земле его будут судить по земным законам. Впрочем... — Он вдруг проявил каплю сострадания: — У меня тоже есть сердце.

И он отправил Лю Цая в обморок.

Гу Цянь: «...Потрясающее сострадание»

Цзи Лююнь подошел к юноше, присел рядом и неловко погладил его по голове:

— Ты очень хорошо растешь.

Гу Цянь впервые слышал, чтобы слово «расти» использовали по отношению к взрослому человеку в таком ключе, и с некоторым сомнением взглянул на «глупого пса». Тем временем проводник обернулся к Лю Шэну:

— Ну, я начинаю. — Тот поднял руку и добавил: — Я не люблю шума, ты ведь не против?

Это звучало вежливо, но Сяо Гу просто лишил Лю Шэна голоса. Попытка началась: преступник не мог даже закричать, он лишь бился в конвульсиях на земле. Но его взгляд был прикован к сыну — в этом взоре было столько всего, что Гу Цянь не смог разгадать.

Он замолчал. Родство — слишком тяжелое слово. Чжао Мин и в смерти помнил о семье, а Лю Шэн, даже в безумии, думал о сыне. Была ли это любовь? Наверное, да.

И тут же кольнула память о собственных родителях, о том, как весь род Гу желал ему смерти. Какой горький контраст. Прошлое ранит сильнее всего, когда всплывает не вовремя.

Но Гу Цянь не успел погрузиться в меланхолию — его крепко обнял Лююнь. Теплая ладонь

призрака мягко погладила его по спине. Когда юноше было плохо, он сначала замирал, потом поджимал губы и часто моргал. Лююнь знал эти признаки. Он не знал всей глубины чужой боли, но видел шрамы, оставленные миром на этой душе.

— Ты чего обнимаешься? — тихо спросил Гу Цянь, не пытаясь отстраниться.

Призрак уткнулся подбородком ему в плечо:

— Грущу вместе с тобой.

— Ты даже не знаешь, о чем я грущу.

Лююнь покачал головой и улыбнулся:

— Но тебе не нужен повод, чтобы я тебя обнял. — Тот подумал и добавил: — И без повода — тоже можно.

Гу Цянь, скрыв улыбку, прижался к нему теснее.

— Тогда обними покрепче.

— С радостью! — Лююнь довольно засопел. — Так пойдет?

Гу Цянь не знал, как этому «глупому псу» удастся каждый раз чувствовать его боль, но это было... приятно.

— Еще крепче. А то мне кажется, что я сейчас выпаду из этого мира.

— Я могу держать тебя вечно, — Лююнь сиял от счастья. — До завтра, до следующего месяца, до следующего года.

— Прощу прощения, что прерываю идиллию, — раздался голос Сяо Гу, сопровождаемый громким «хресь!».

Гу Цянь: «...»

Боль расчленения души утихла. Лю Шэн лежал на земле, мелко дрожа; взгляд его был пустым. Эта боль прошла сквозь каждую клеточку его естества, оставив в душе незаживающую рану.

Дух Чжао Мина начал обретать плотность, взгляд прояснился. Он посмотрел на обидчика.

Мужчина не знал, что сказать этому человеку. В его сердце больше ничего не осталось. Ни прощения, ни ненависти. Пустота.

Он отвел взгляд и посмотрел на незнакомцев вокруг.

— Простите... кто вы?

— Я пришел забрать тебя, — сотрудник Гуйань невозмутимо спрятал смартфон и достал нефритовую шкатулку. Проведя пальцем по рунам, он открыл крышку. Мягкий свет хлынул наружу, и в нем проявились жена и дочь мужчины. Они стояли, взявшись за руки, сияя так же, как тот свет, что он видел перед смертью.

Вэнь Шулань улыбалась — совсем как тогда, у ворот кирпичного завода. Чжао Дун была в том самом нежно-голубом платье. Чжао Мин знал, что это Лю Цай купил его и прислал ей. Он оглянулся и увидел лежащего на земле юношу с заплаканным лицом.

Сяо Гу, словно читая мысли, бросил:

— С парнем всё в порядке, просто переутомился от слез.

Призрак искренне поблагодарил его и снова повернулся к своим. Ему нужно было идти вперед.

— Чжао Мин! — простонал Лю Шэн, дергаясь всем телом. — Чжао Мин! Ты ведь ненавидишь меня, да?! Ха-ха... Ну же, прокляни меня! Ударь! Ну!..

Чжао Мин обернулся. В его глазах не было ничего. Бывший друг смеялся и плакал одновременно, жадно ловя взгляд, надеясь найти в нем хоть какой-то ответ или даже проклятие. Но не нашел ничего. Высшая степень разочарования — это безразличие. Мужчина не сказал ему ни слова.

Лю Шэн пополз к нему, пытаясь ухватиться за штанину робы, но пальцы лишь прошли сквозь призрачную плоть. Чжао Мин отвернулся и шагнул к свету.

— Скажи хоть слово! Чжао Мин! Старина Чжао!.. — несло ему в спину. — Чжао Мин!..

Лю Шэн рыдал, уткнувшись лицом в землю. Это имя он выкрикивал тысячи раз: на заводе, в фургоне, в прокуренном офисе. С каждым разом он предавал дружбу, стоящую за этим именем.

— Прости меня... Прости, Чжао Мин!..

Он отчаянно нуждался в ответе, пусть даже в самом страшном ругательстве. Но тот уходил.

Крики за спиной отдалялись, превращаясь в обрывки кошмарного сна. Это было последнее прощание. В мире Чжао Мина остались только жена и дочь. Прошлое больше не имело веса.

Семья бросилась к нему. Он невольно протянул руки, испугавшись на миг, что они пройдут сквозь него, но он крепко поймал их. Оказалось, призраки могут обниматься. Он так и не нашел красивых слов. Он просто прижимал к себе свое обретенное сокровище и шептал: «Простите... простите меня».

Фигуры троих начали бледнеть, превращаясь в искры света, и скрылись в нефритовой шкатулке. Лю Шэн продолжал выть, пока Гу Цянь, которому это окончательно надоело, не заткнул его заклинанием. Сотрудники Комитета сработали оперативно, тут же выписав тому «счет» по линии мира Инь.

— Ну всё, — Сяо Гу хлопнул в ладоши. — С миром Инь покончено. Полицию вызывайте сами, а дальше...

Гу Цянь потер подбородок. Этот Сяо Гу был совершенно непредсказуем, и никогда нельзя было предугадать, что он выкинет в следующую секунду. Кадры с просьбой автографа всё еще стояли перед глазами.

На этот раз автограф ему не понадобился. Проводник заметил гору куриных окорочков в разрушенном складе.

— Считай, всё равно вы этот склад разнесли, — он кивнул на мясо. — А окорочка вон сколько духовной силы впитали.

— Это Чжэжэни разнесли, — поправил его Гу Цянь.

— Неважно, — отмахнулся юноша. — Раз они напитались силой, пусть станут подношением для покойников внизу. Срок годности у них явно вышел, но мертвецам от этого хуже не станет.

Гу Цянь искренне заметил:

— Покойникам очень повезло с тобой.

— Подсобишь? Чтобы еда из мира живых попала вниз, её нужно пропитать духовной силой, а сверху удобрить призрачной энергией, — Сяо Гу многозначительно посмотрел на Лююня. — У тебя её сейчас хоть отбавляй.

Гу Цянь настороженно заслонил собой призрака:

— Он руку ранил. Я помогу тебе с духовной силой.

— Эх ты, — Сяо Гу явно рассчитывал на романтическое взаимодействие пары, но, встретив отпор, лишь вздохнул. — Ладно-ладно, понимаю. У вас тут медовый месяц, все дела. Призрачной энергии у меня и своей хватит. Помоги-ка мне поднять их в воздух.

Гу Цянь выпустил лепестки фосана, поднимая все окорочка из-под завалов. Тот начал нараспев читать заклинание, и из его ладоней хлынула призрачная тьма.

Затем он широко раскинул руки и зычно выкрикнул:

— Душевный соус — за-а-аливай!

Все окорочка мгновенно окутались призрачным сиянием. Возглас был таким мощным, что пара штук всё же сорвалась. По приказу Сяо Гу они начали падать, выписывая в небе изящные дуги и светясь, точно жирные светлячки. Они кружились и танцевали в воздухе причудливый балет — каждый в облаке призрачной дымки. В этом была своя, особая эстетика мира Инь.

Лююнь, пораженный зрелищем, прижался к Гу Цяню:

— Чжан Ваньсэнь, — он воодушевленно потянул напарника за рукав, — начался окорочкопад!

Гу Цянь окинул «глупого пса» непередаваемым взглядом, но вскоре и сам невольно заулыбался, глядя на этот дождь из курятины. Мир полон безумия, и, если пожить подольше, можно увидеть даже такое. Много ли кому выпадал шанс увидеть дождь из окорочков?

Что до тех «беглецов», которые не попали в воронку, то они с сочным хрустом приземлились на крышу машины Чэн Ушэна.

— Что за звуки? — Чэнь Сы, лежавший на сиденье с куском льда на голове, попытался приподняться, когда шишка на лбу предательски запульсировала. Ушэн мягко прижал его обратно.

— Спи, мастер Чэнь. С разбитой головой лишний раз лучше не дергаться.

***

Как говорится: прежде чем воевать снаружи, нужно навести порядок дома. Лююнь это понимал прекрасно, поэтому, прежде чем разбираться с предательницей Сяосюэ, он решил крепче обнять своего Гу Цяня. Цю Юэбай уже даже перестал удивляться тому, как его старший брат липнет к целителю.

Битва выдалась славной, и теперь все бойцы «Сань Юэ» признавали Гу Цяня своим полноправным авторитетом. Разобравшись с Лю Шэном, настала пора предателя.

Гу Цянь, еще не знающий, что его статус в глазах окружающих вырос до небес, спросил Лююня:

— Что планируешь делать с Чунь Сяосюэ? Ты ведь ничего не помнишь, а она, возможно, преданно служила тебе долгие годы.

Все замерли в ожидании ответа.

— Моя добродетель субъективна, — изрек «философ» Лююнь, прижимаясь к напарнику. — А его предательство — объективная закономерность. Проявление субъективности должно основываться на признании объективных фактов.

Цю Юэбай и Ань Цзянь: «...Что?»

Гу Цянь, единственный полномочный переводчик Лююня, пояснил:

— Ваш брат хочет сказать, что предатель предал бы в любом случае, раньше или позже. Так что судить его нужно по всей строгости правил.

Тот кивнул и сурово произнес:

— По законам «Сань Юэ» предатель лишается знака золотого листа и изгоняется.

Бойцы подошли к Сяосюэ, чтобы сорвать эмблему, но один из них, смуглый юноша, внезапно ослабил путы на руках пленницы. Гу Цянь узнал его — это он тогда у озера первым выпустил силу, нарушив порядок. Мало того что он освободил Сяосюэ, он еще и сунул ей что-то в руки.

— Да что вы понимаете?! — взвела Чунь Сяосюэ. — Я была с обоими братьями дольше всех! Я основательница «Сань Юэ»! А что вы делали все эти годы?! Один вечно прикидывался призраком, другой — и вовсе исчез! Я видел, как наши заказы уходят другим, видел, как богатеют другие!

Она безумно оскалилась, поднимая над головой керамический сосуд.

— Мы могли бы загребать миллионы, могли бы стать хозяевами Цзянчэна! Но вы — кучка трусов! Старший брат!.. — Она рявкнула на Лююня: — Твой прах у меня! Не смей делать и шага!

Она была в экстазе, свято веря, что, держа в руках прах лидера, она стала хозяйкой положения.

— Послушай... — Ань Цзянь со странным выражением лица посмотрел на сосуд. — Там сахар.

Сяосюэ и бровью не повел.

— Я знаю хитрости брата! Он может замаскировать прах под что угодно, но меня не проведешь
— это урна из нашего алтаря!

Цю Юэбай не выдержал:

— Там правда обычный сахар.

— Ха! — Сяосюэ вскинула сосуд еще выше. — Никто меня не обманет! Ты, Гу Цянь! Ты ведь милашка нашего брата? А ну, на колени! Проси меня! Брат, и ты на колени! Может, тогда я оставлю тебя в живых.

Гу Цянь молча наблюдал за этой сценой.

— Знаешь... теперь мне тебя даже немного жаль.

<http://bllate.org/book/15848/1440334>